

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Елены Владимировны Копыл (инокини Екатерины) «Иерусалимская ветвь палестинской традиции богословия святых мест в V–VIII вв.: грекоязычные авторы», представленную на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 - Теология

Есть диссертации разные. Одни лишь намечают некоторую проблему, подмечая то или иное сходство между источниками или строя некую теоретическую модель явления или феномена. Авторы же иных работ выступают первопроходцами, открывающими целые города или даже континенты научной мысли. Работу инокини Екатерины, без сомнения, следует отнести к этому второму типу. По сути, это первое значимое исследование в современной России, которое впервые проговаривает (а во многом и конституирует) свой предмет и объект: это и понятие «богословие святых мест» (т. е. «их богословское осмысление»; с. 7, ср. с. 64, 72) как подраздел патристики, и выделение трех его ветвей, и акцент на иерусалимской ветви как на центральной, и, наконец, духовно-богословский портрет шести виднейших представителей этой ветви, и роспись их трудов. По сути, в этой работе содержится уже не менее половины докторской диссертации. Если посмотреть на научный аппарат, обилие ссылок, включая на новейшую литературу (в том числе на итальянском и испанском языках; особенно повлиял на исследовательницу Лоренцо Перроне – с. 9 *et passim*), то мы будем не менее потрясены. Собственно, уже и в таком виде диссертация представляет собой законченную монографию, по сколь бы высоким стандартам научного исследования о ней не судить.

Поэтому отзыв оппонента будет, безусловно, положительным, и ниже следующее – скорее, формальность, ученая игра (*ludus serius*). Построение труда инокини Екатерины оптимально для патрологических работ: исторический и религиозно-культурный контекст иерусалимской ветви богословия (первая глава), авторы, их жизнеописания и сводная таблица источников (вторая глава), анализ богословия шести центральных авторов, который увенчивается глубоким разбором учения преп. Иоанна Дамаскина (третья глава). Отметим также виртуозное владение со стороны диссертанта многоязычной историографией и навыками патрологического исследования. И, конечно, талант исследователя – в таком деле он, споспешествуемый благодатно, – на первом месте.

Следует признать образцовым очерк историографии предмета (с. 9–24; автору близок подход Р. Л. Уилкена – с. 23). Автор отмечает новизну своей темы – «палестинская традиция богословия святых мест во II–VIII вв. как особый и целостный феномен в патристической теологии» (с. 24). С этим определением темы и ее новизны, а также

предмета и объекта работы (с. 24) необходимо согласиться. В качестве цели исследования указывается реконструкция богословских взглядов авторов иерусалимской ветви традиции (с. 24). Реконструкция – один из самых сложных методов исторического и историко-богословского исследования, но здесь его применение абсолютно оправдано.

Задачи диссертации четко соответствуют главам исследования. Из задач выделим третью – «показать существование палестинской традиции богословия святых мест как отдельного феномена в патристическом богословии» (с. 25), действительно, без специальных исследований можно пройти мимо этой интереснейшей традиции, так и не узнав о ее существовании. Задачи работы можно считать выполненными, и исключительно успешно.

Впечатляет широта источниковой базы исследования – в общей сложности 106 текстов 27 авторов (с. 26–27); из этих авторов подробно и систематически исследуются шестеро. Базовый метод – патристическая герменевтика (с. 27), также давно и надежно применяющийся патрологами, литургистами, специалистами по критической агиографии. Здесь можно сделать и первое минимальнейшее замечание: мысль иконопочитателей называется всё же «иконопочитательской», а не «иконопочитательной» (с. 28, 219).

Следует согласиться со всеми пунктами новизны исследования (с. 28–29). Сводя ум в сердце вслед за изучаемыми ею авторами, инокиня Екатерина выделяет в качестве одного из таких пунктов предложенный ею «принцип интерпретации похвальных и библейско-экзегетических текстов о святых местах сквозь призму патристической традиции славословного и экзегетического созерцания» (с. 29). Введение самого понятия «славословное созерцание» в патрологическую и литургическую науку считаю весьма перспективным. Ибо оно лучше позволяет объяснить ряд феноменов – скажем, молитвы и гимны св. Амвросия Медиоланского, получая, таким образом, подтверждение за пределами непосредственной темы исследования. Обращают на себя внимание и 7 положений, выносимых на защиту (с. 29–31). Выделим положение пятое – о стихах Пс. 131, 6 и прочих, на которых основано богословие святых мест (с. 30, ср. с. 31). Подобного рода «актуализация Библии» и ее связи с последующими событиями очень актуальна для нас сегодня (ср. с. 255).

Автор показывает (также и в дальнейшем в обзорах авторов) богатство используемой ими богословской терминологии для обозначения святых мест (с. 31), отмечая близость соответствующих писателей учению преп. Иоанна Дамаскина о почитании Креста, икон и освященной материи.

Мегазадача диссертации – «сформулировать церковное учение о святых местах и их почитании» (с. 32). Речь идет об актуализации в современном церковном, церковно-

научном и церковно-культурном сознании богатств тех смыслов, которые были в нее заложены еще во II–VIII вв. и до сих пор не подверглись должной экспликации. В подтверждение мысли о том, что перед нами – именно *экспликация*, а не творчество нового, автор ссылается на Ж.-К. Ларше (с. 263, 265). То же верно и для других спорных тем, положим, для паламитского богословия энергий Божиих. Эта экспликация, очевидно, должна вестись бок о бок с евангелизацией и катехизацией верующих.

По первой главе «Палестинская традиция богословия святых мест во II – VIII вв. и ее контекст» (с. 36–86) у нас также принципиальных замечаний нет, кроме указаний на, по видимости, незначительную опечатку: «атрибуируются» вместо нужного «атрибутируются» (с. 51). Отмечаются поликонфессионализм палестинской среды (с. 54, 58), факторы формирования палестинской богословской традиции (с. 54–55): поздняя христианизация коренного населения способствовала повышению удельного веса иммигрантов в формировании этой традиции. Выделяется «вселенский дух» Иерусалима и Палестины в переходную эпоху от поздней античности к Средневековью (с. 56). Основной импульс задавало грекоязычное богословское направление (с. 57), с чем необходимо согласиться. Проводится глубокая параллель между Кесарией Палестинской и Александрией (с. 59). Разумеется, нельзя не выделить тезис о глубокой, структурообразующей роли монашества в протекавших в Палестине процессах (с. 61, 62, 70, 85, 86, 125, 126). Выделяются три ветви традиции – кесарийская, иерусалимская и газская (с. 67). Иеронима автор относит к иерусалимской ветви (с. 69). Совершенно оправдано недоверие автора к палестинской версии происхождения св. Максима Исповедника (с. 70); на наш взгляд, примат константинопольской версии не был опровергнут с должной доказательностью. Всюду автор опирается на новейшие либо наиболее убедительные датировки времени жизни авторов и создания ими своих произведений (с. 74 сл.). Однако богословское осмысление ими святых мест – даже в случае Дамаскина – не было систематическим (с. 86). С этим выводом можно только согласиться; эксплицировать соответствующее осмысление и было задачей автора, с которой та блестяще справилась.

Сходная ситуация – со второй главой «Основные грекоязычные авторы и источники иерусалимской ветви палестинской традиции богословия святых мест в V–VIII вв.» (с. 87–126). Данный период – наименее изученный в истории традиции (с. 87). Краткие жизнеописания шести авторов, начиная с преп. Исихия Иерусалимского, и перечни их творений, относящихся к богословию святых мест, выполнены образцово. Возникает принципиальной значимости вопрос: как разграничить аллегорический и типологический подход в экзегезе Исихия Иерусалимского? (с. 91, ср. 131). Аналогичный

вопрос возникает и к главе об Иоанне Дамаскине (с. 232). Где границы строгости в типологии, за которые нельзя заходить и за которыми она превращается в вольную аллегорию?

На с. 93 фамилию французской исследовательницы Harl надо транскрибировать не Харль, а Арль (Маргерит Арль).

Важно указание, что по языку праздничные гомилии св. Исихия Иерусалимского близки творениям св. Григория Богослова (с. 97). Здесь можно было бы уточнить – не близки ли эти гомилии по своей торжественной риторичности и творениям св. Амфилохия Иконийского, также известного церковного оратора?

Авторы, разобранные в диссертации, писали в разных жанрах, но в их творениях отразился «личный опыт богообщения» (с. 126, ср. с. 261). Думается, что весь анализ инокини Екатерины подтверждает этот вывод. В свете господствующего ныне в западных патрологических исследованиях догматического релятивизма подчеркивать это обстоятельство, обосновывая его – там, где это возможно – текстами источников, особенно актуально и злободневно.

Обратимся к третьей, центральной главе работы «Богословие святых мест грекоязычных авторов иерусалимской ветви палестинской традиции в V–VIII вв.» (с. 127–258). Следует оценить эвристичность базовой гипотезы о том, что богословской предпосылкой теологии святых мест преп. Исихия явилось «славословное созерцание» (с. 128, ср. с. 157–158, 164; с. 207 – о Софронии), иначе говоря, сама теология такого рода – плод союза верующего ума и верующего сердца, она влечет душу слушателей к мистическому созерцанию евангельской истории (с. 161). Экзегеза Исихия христоцентрична и, в общем и целом, типологична (с. 131). Важны указания на связь богословских идей Исихия с Литургией ап. Иакова (с. 145, 148). Невозможно не спросить, почему Сионская Церковь толкуется по-разному в «Большом комментарии на Псалтирь» Исихия и в его же «Кратком комментарии» на эту книгу? Позволяет ли указанное обстоятельство говорить об эволюции во взглядах автора? (с. 148–149).

Многофункциональность текстов Исихия удачно резюмируется на с. 162 (ср. с. 193 о других авторах). Подобная полифункциональность характерна для творений и иных авторов, затрагивавших тему святых мест, что и понятно, исходя из целей и задач христианской жизни: «Любовь к Богу – это та движущая сила, которая влечёт подвижников в Палестину» (с. 186, ср. с. 190).

Одна из главнейших мыслей, которую развил св. Софроний Иерусалимский в богословии святынь – борьба с докетизмом: «Святые места подтверждают реальность человеческой природы воплотившегося Бога» (с. 199). В этой связи Софроний выделяет

традиционный для христианской мысли ряд христологических антиномий/парадоксов (с. 200), что позволяет вновь задуматься о парадоксальности православной веры как таковой. Подход Софрония имеет прецеденты у Епифания Кипрского и ряда других авторов (с. 201). Таким образом, «тема евангельских мест как христологического доказательства отчетливо оформляется в самостоятельный патристический топос» (с. 202), что и доказано автором. Важны также наблюдения об актуализации библейского текста у Софрония (с. 214). Но наибольшей догматической глубины богословие святых мест в указанный период достигает у преп. Иоанна Дамаскина (с. 218–219).

Святыни св. Иоанн осмысляет именно в русле догматики (с. 221). Но богословие святынь у него находится в подчинённом положении по отношению к богословию иконы (с. 223, 247, 252) и уступает по глубине трактовок этому последнему (с. 249), что блестяще и доказывается автором. Функции образа по Дамаскину анализируются подробнейшим образом (с. 228 сл., 248). Святые места – это образы тварные, вещественные и неединосущные (с. 232). Метод толкования Иоанна – типологический или умеренно-аллегорический (с. 233), здесь возникают те же вопросы, что и к разделу об Исихии.

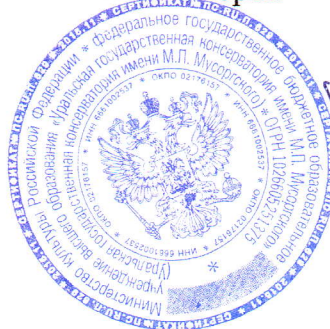
Автором блестяще доказано, что Святые места – «одна из форм Священного Предания» (с. 262). Привлекает к себе внимание термин «богоцентричность практики поклонения своим местам» (с. 262), говорит о литургичности такой практики (там же). Святые места – «одна из невербальных форм выражения православной веры» (с. 264), «гармоничная часть церковного Предания» (с. 265).

Список литературы полон и репрезентативен для изучения данной темы. Автореферат диссертации достаточно подробно и точно передаёт её основное содержание. Вышесказанные вопросы и замечания носят конструктивный характер и не влияют на нашу положительную оценку данной работы, которая представляет собой важный вклад в новогреческую патрологию и историю Церкви.

ОСНОВНОЙ ВЫВОД: Публикации инокини Екатерины (Е. В. Копыл) соответствуют тематике диссертации, а реферат выгодно отражает её важнейшие положения. Диссертация инокини Екатерины (Е. В. Копыл) представляет собой комплексное и законченное исследование, обогащающее мировую науку, которое отличают высокий теоретический уровень, новизна и практическая значимость при разрешении патрологических и церковно-исторических вопросов. Работа отвечает требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства России от 24.02.2013 г. № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 1 октября 2018 г. № 1168). Автор диссертации, инокиня Екатерина

(Е. В. Копыл), несомненно, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 – «Теология».

Профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского», доцент, доктор философских наук по специальности 09.00.03 «История философии»

Макаров Дмитрий Игоревич

2 февраля 2022 г.

Адрес места работы оппонента: 620014, Екатеринбург, просп. Ленина, 26; тел. +7 (343) 371 21 80; факс +7 343 371 67 61; E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

Подпись	<i>Макаров Д.И.</i>
Удостоверяю:	<i>М. Сидоров</i>
Должность	<i>Е.В. Копыл</i>
расшифровка подписи	
« 02 »	02 2022 г.